
**ПРАВОВАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ФИЛОСОФСКАЯ
И РЕЛИГИОЗНАЯ МЫСЛЬ**

УДК 340

**ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСКАЖЕНИЯ В ИСТОРИОГРАФИИ
ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ:
ПРИРОДА И ТИПОЛОГИЯ**

© 2024 г. А. А. Васильев

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: anton_vasiliev@mail.ru

Поступила в редакцию 20.09.2024 г.

Аннотация. В статье рассматриваются сущность и типология идеологических искажений в историографии политических и правовых учений. Автор на основе достижений философии науки исходит из невозможности полного исключения идеологического фактора в историко-правовых исследованиях. При этом в качестве задачи истории политических и правовых учений предлагается выявление и нейтрализация идеологических искажений. Приводится разграничение идеологических искажений, ошибок и научного мошенничества. Обращается внимание на высокую степень идеологизированности российской правовой доктрины. В типологии идеологических искажений представлены: европоцентризм, правовой идеализм, политико-правовой шовинизм и этнонационализм, методологический монизм, постмодернистское увлечение отказом от поиска истины и др. Наконец, в исследовании предлагается методика выявления идеологических искажений.

Ключевые слова: история политических и правовых учений, историография, история права, идеология, ошибка, научное мошенничество, искажения, европоцентризм, идеализм, нигилизм, шовинизм.

Цитирование: Васильев А.А. Идеологические искажения в историографии политических и правовых учений: природа и типология // Государство и право. 2024. № 11. С. 33–43.

Публикация подготовлена в рамках научного проекта (гранта) «Создание российской историографической модели политico-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого федеральным государственным бюджетным учреждением науки Институтом государства и права Российской академии наук при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

DOI: 10.31857/S1026945224110032

**IDEOLOGICAL DISTORTIONS IN THE HISTORIOGRAPHY
OF POLITICAL AND LEGAL DOCTRINES:
NATURE AND TYPOLOGY**

© 2024 А. А. Васильев

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: anton_vasiliev@mail.ru

Received 20.09.2024

Abstract. The article examines the essence and typology of ideological distortions in the historiography of political and legal doctrines. Based on the achievements of the philosophy of science, the author proceeds from the impossibility of completely eliminating the ideological factor in historical and legal studies. At the same time, the task of the history of political and legal doctrines is to identify and neutralize ideological distortions. A distinction is made between ideological distortions, errors and scientific fraud. Attention is drawn to the high degree of ideologisation of the Russian legal doctrine. The typology of ideological distortions includes: Eurocentrism, legal idealism, political and legal chauvinism and ethnonationalism, methodological monism, postmodernist passion for the rejection of the search for truth, etc. Finally, the study proposes a methodology for identifying ideological distortions.

Key words: history of political and legal doctrines, historiography, history of law, ideology, error, scientific fraud, distortion, Eurocentrism, idealism, nihilism, chauvinism.

For citation: Vasiliev, A.A. (2024). Ideological distortions in the historiography of political and legal doctrines: nature and typology // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 33–43.

The publication was prepared within the framework of the scientific project (grant) "Creation of a Russian historiographical model of political and legal knowledge and its application for the development of promising means of countering ideological distortions of the civilizational development of Russia", carried out by the Federal State Budgetary Institution of Science, the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences with financial support from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (agreement dated 12 July 2024, No. 075-15-2024-639).

Юридическая наука как отрасль научного познания в силу своей близости к политике тесно связана с идеологией. Широко распространено представление о юриспруденции как крайне политизированной сфере исследования и которая не может находиться вне идеологии¹. Более того, практически общим местом стало признание за общей теорией государства и права идеологической функции, что дополнительно подчеркивает тесную связь юридической науки и идеологии.

Данные обстоятельства ставят перед юриспруденцией несколько серьезных вопросов. Во-первых, насколько правоведение способно к производству научного знания вне политического и идеологического контекста. В этом плане возникает проблема признания за юриспруденцией статуса науки, если она не выдерживает критериев научного знания: объективность, достоверность и воспроизводимость научного знания. Не случайно, что далеко не во всех правовых системах мира юриспруденция понимается как наука. Так, в англо-американской традиции правоведение считается разновидностью искусства (art). Во-вторых, крайне важно определить при положительном ответе на первый вопрос насколько юридическая наука и историография политических и правовых учений поддались идеологическому влиянию и возможно ли противодействие тем идеологическим искажениям, которые повлияли на юридические знания. Безусловно, отправным в решении данных вопросов может быть полемика в философии науки относительно соотношения идеологии и науки, объективности и субъективности в научном познании.

¹ См.: Туманов В.А. Буржуазная правовая идеология. М., 1971; Жидков О.А. Верховный суд США: право и политика. М., 1985.

В философии науки проблема взаимодействия науки и идеологии имеет несколько аспектов. Наука и идеология выступают способами понимания действительности, отражения реальности. Но если наука стремится к беспристрастному описанию и преобразованию действительности как таковой, то идеология направлена на интерпретацию и оценку реальности в целях управления общественным сознанием, мобилизации общества на необходимые политические действия. Следует оговориться, что такое рафинированное представление о науке скорее идеал, вряд ли когда-либо достижимый. В XX в. в работах К. Поппера, Т. Адорно и др. были сформулированы идеи о невозможности исключения политico-идеологических и антропологических факторов из научного познания. К. Поппер отмечал: «Никакая политическая партийность не способна оказать на политические теории такого сильного влияния, как пристрастность, проявляемая некоторыми учеными-естественниками при поддержке своего интеллектуального детища. Если бы научная объективность была основана, как наивно полагает социологическая теория знания, на личной беспристрастности или объективности ученого, мы должны бы сказать ей "прощай" ... Нет сомнения в том, что каждый из нас испытывает воздействие собственной системы предубеждений (или "тотальных идеологий", если это понятие предпочтительнее). Все мы многое понимаем как самоочевидное, принимаем некритично, даже с наивным или самодовольным убеждением, что критика совершенно необязательна. Ученые не составляют исключения из этого правила, даже если они, казалось бы, способны очиститься от предубеждений в своей специальной области... Достижение

научной объективности — это задача научного метода... Она есть результат дружески враждебного сотрудничества многих ученых. Поэтому научная объективность может быть определена как интерсубъективность научного метода².

Более того, антисциентисты и вовсе стали отрицать за наукой статус наиболее эффективного познавательного механизма и отказались от претензий на поиск истины. К XXI в. проблема роли науки в изучении мира обострилась с учетом достижений в изучении мышления, иррациональных факторов и характерных для человека ошибок.

Полемика в философии науки на протяжении последнего столетия позволяет прийти к двум ключевым тезисам относительно «чистоты» научного знания:

- а) идеологический фактор не может быть до конца элиминирован из научного познания и незримо присутствует;
- б) научное знание не может быть изолировано от субъекта познания и всегда несет в себе определенный личностный элемент (налет субъективизма).

При этом познание сопряжено с различного рода ограничениями собственно человеческой природы: стереотипами, предрассудками, иррациональными факторами и пр. Не случайно Платон, Аристотель, Ф. Бэкон и Р. Декарт, И. Кант и другие философы искали способы очищения научного знания от различного рода человеческих изъянов. На рубеже XX–XXI вв. и вовсе была поставлена под сомнение изначальная разумность человека в его повседневной деятельности. Так называемый средний рациональный человек во многом оказался фикцией, поскольку человеческое сознание находится в пленах различного рода иррациональных факторов³. Интересно, что различие между человеческими ошибками и общественным искажением знания достаточно точно передал Ф. Бэкон в его типологии призраков (идолов). Свойственные человеческой природе заблуждения и ошибки он называл идолами рода, а ошибки познания в связи с общественным влиянием и языковой средой философ обозначил как призраки площади (рынка). Близкими к идеологическим искажениям, по Бэкону, являются идолы театра — ложные представления, усваиваемые от других людей на веру без проверки⁴.

² Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжеэропроков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М., 1992. С. 251.

³ См.: Канеман Д. Думай медленно... решай быстро. М., 2021; Канеман Д., Сибони О., Санстейн Касс Р. Шум. Несовершенство человеческих суждений. М., 2021.

⁴ См.: Бэкон Ф. Соч.: в 2 т. / пер.; сост., общ. ред. и вступ. ст., с. 5–55, А.Л. Субботина. М., 1971–1972 (Философское наследие).

В этом отношении яркими примерами построения «чистых» теорий права можно назвать концепции юридического позитивизма и «чистую» теорию права Г. Кельзена. В первом случае юридический позитивизм противостоял метафизике в юриспруденции и концепции естественного права. Во втором случае Г. Кельзен пытался сконструировать теорию права вне идеологии, политики и нравственности исходя из собственных юридических оснований права.

Соответственно, задача науки и исследователей состоит в учете потенциальных рисков от субъективизма и идеологического влияния и выработке способов преодоления таких рисков. К. Поппер так определил задачу для исследователей: «Хотя невозможно освободить науку от вненаучных приложений и оценок, одной из задач научной критики и научной дискуссии является борьба со смешением этих ценностных сфер, в особенности — за исключение вненаучных оценок из вопросов об истине... Чистота чистой науки есть идеал, вероятно, недостижимый, но за него критика ведет свою постоянную борьбу, и должна вести..., лишить ученого партийности невозможно, не лишив его одновременно человечности. Точно так же мы не можем запретить ему оценивать или ломать его оценки, не сломав ранее как человека и ученого. Наши мотивы и наши чисто научные идеалы, такие как идеал чистого поиска истины, глубочайшим образом укоренены во вненаучных, частью религиозных, оценках. Объективный и свободный от ценностей ученый не является идеальным ученым»⁵.

Прежде всего объективность научного знания утверждается не как признак науки, а скорее как методологический принцип и установка для исследователя — объективность научного познания, независимость от личных, групповых и классовых интересов. Идеология, в свою очередь, подвержена прямому влиянию интересов и направлена на формирование и утверждение определенной картины мира и ценностей. Один из основоположников идеологии как термина А. Дестют де Траси отмечал, что любое представление о мире содержит в себе идеи и заведомо носит идеологический характер⁶. В свое время это различие позволило К. Марксу назвать идеологию ложным

⁵ Поппер К. Логика социальных наук // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики. М., 2006. С. 306, 307.

⁶ См.: Элементы идеологии. Ч. 1. Идеология в собственном смысле слова. Гл. 11. Размышления о предшествующем и о способе Кондильяка анализировать мысль / А. Дестют де Траси; пер. с франц. А.С. Ивановой // Вопросы философии. 2013. № 8. С. 149–154.

сознанием, которое неверно отражает объективную реальность⁷.

В то же время невозможно отрицать фактическое влияние идеологии на науку. Так, в советской системе организации науки прямо был зафиксирован принцип партийности – служения науки интересам партии и марксистско-ленинской философии. Очевидно, что философия Просвещения значительно повлияла на идеологические установки ученых в XVII–XIX вв.: механицизм, эмпиризм и т.п. В сфере права Просвещение создало собственные правовые идеологемы: естественное право, разделение властей и пр., которые не выдерживали критерии научности.

С другой стороны, идеология опирается на науку, использует ее достижения в своих целях и не может игнорировать научное знание. Не случайно С.М. Кара-Мурза видел в науке основы для идеологии⁸.

Современные исследования в науковедении позволяют сформулировать ряд важных методологических предпосылок для анализа идеологических искажений в историографии политических и правовых учений:

1) наука и идеология тесно переплетаются и абсолютная объективность в науке недостижима. Очевидно влияние личности ученого и общественной среды на процесс познания, невозможность полностью исключить ценностные аспекты;

2) модель организации науки в отдельно взятой стране может быть представлена в двух основных вариантах:

3) диктат идеологии по отношению к науке, подчинение исследований определенным принципам и установкам независимо от их истинности или ложности;

4) относительная свобода научного творчества без идеологического давления.

В ряде государств после периода подчинения науки идеологии можно видеть процесс деидеологизации научного знания. Но при этом нередко на смену одной идеологии приходит другая идеология, а наука и общественное сознание в целом продолжают оставаться в пленах тех или иных идеологических схем. Так, на смену принципа единства власти Советов в России пришел принцип разделения властей без учета исторического опыта развития власти и правосознания общества и при фактической реализации в 1990-х годах привел к конфликту Президента РФ и Государственной Думы, т.н. войне законов;

идеология использует науку как средство утверждения своих ценностей и идеалов, убеждения общества в своей правоте. Причем сам стиль, риторика и средства выражения идеологии оказывают значительно более ощутимое воздействие на общественное сознание, чем аргументация и доказательства науки. Сложность и недоступность научных знаний для общества делают их закрытыми и элитными и ограничивают влияние науки;

идеология при наличии властного ресурса по сравнению с наукой может приобретать мощное мобилизующее воздействие на общество и становится политическим инструментом управления. Наука в таких условиях зачастую выступает служанкой или жертвой господства идеологии. Так, известны политические репрессии за взгляды в отношении либеральных и консервативных юристов после 1917 г., и даже более того, репрессии относительно марксистских правоведов за отдельные и собственные юридические суждения и постепенное подчинение юриспруденции марксистско-ленинской философии.

Очевидно, что избежать идеологического влияния и антропологических факторов на научное знание полностью невозможно. В таких условиях приоритетной задачей становится выявление регулярно встречающихся идеологических искажений и выработка методики и правил минимизации идеологического влияния на научный поиск. Исследователь различных форм «научного мошенничества» С. Ричи отмечает: «Наука по своей сути социальна, ведь мы должны убеждать других людей – остальных ученых – в том, что мы обнаружили. А поскольку наука – это еще и человеческая сфера, мы понимаем, что любой ученый будет подвержен человеческим особенностям, таким как иррациональность, предвзятость, сбои внимания, внутригрупповой фаворитизм и откровенное жульничество для получения желаемого»⁹.

На наш взгляд, необходимо разграничивать идеологические искажения и ошибки в науке в целом и истории политических и правовых учений в частности. Их объединяет то, что они создают ложное знание и могут стать основой для неверных решений в сфере правовой политики. Так, мифология относительно высокого уровня развития английского права привела к некритическому заимствованию в российском праве конструкций и институтов английского права: попытки внедрения прецедента; использование траста; копирование элементов английского корпоративного права и пр. Как следствие, в российском праве стали конкурировать концепции господства закона и судебного

⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 39. С. 83.

⁸ См.: Кара-Мурза С.М. Идеология и мать ее наука. М., 2022.

⁹ Ричи С. Наукообразная чушь. Разоблачения мошенничества, предвзятости, недобросовестности и хайпа в науке. М., 2024. С. 20.

прецедента, появились попытки сформировать теорию расщепленной собственности, основы для формирования офшоров и корпоративной собственности в ущерб общественным интересам.

В то же время в силу антиисторизма идеологизированной правовой доктрины России стало отрицаться наследие советской правовой мысли, которое до сих пор сохраняет свою теоретическую и прикладную ценность. Такой подход явно грешит тенденциозностью и исключает полноту восприятия истории правовой мысли. В некоторой степени это похоже на замалчивание в зарубежной исторической науке и юриспруденции тех фактов и идей, которые выступают заметным пятном на репутации тех или иных государств. Так, упоминая опричнину Ивана Грозного, забывают террор английской монархии в отношении собственного населения в условиях перехода к капитализму. Или практически не встретить в истории правовой мысли Германии разбора теоретических работ нацистского правоведа К. Шмитта.

При этом есть ряд явных различий между научными ошибками и идеологическими искажениями:

а) ошибки не имеют в своей основе преднамеренности и «злого умысла» со стороны ученого. В то время как идеологические искажения явно основаны на изначальной недобросовестности и даже желании сформировать ложные представления. В философии науки такая недобросовестность называется научным мошенничеством;

б) ошибки в науке в основном связаны с нарушением методологических оснований исследования: отступление от принципов и методов познания. Соответственно, ошибки выявляются с помощью проверки соблюдения принципов и методик проведения исследования: проверка фактов, изучение выборки, анализ расчетов и пр. В случае с идеологическими искажениями исследование как таковое вовсе не проводится: отсутствует эмпирическая база, факты не проверяются, источники не изучаются на подлинность, имеют место явные логические противоречия. Как верно отмечает Р.В. Насыров, идеологические построения имеют эффект дубинки, которая предназначена для оглушения аудитории и соперников и исключения критического восприятия¹⁰. При этом идеологемы не выдерживают элементарных требований с точки зрения методологии и этики исследования. Но внешняя риторика идеологии стремится исключить саму возможность проверки тех или иных умозаключений с помощью научных средств. При таких попытках идеология находит способы для

дискредитации научного знания и низложения авторитета ученых;

в) ошибки в конце концов ведут к истине и объективному знанию, а идеологические искажения препятствуют формированию правильной картины и пытаются удержать сознание в рамках ложных моделей и иллюзий;

г) ошибка допустима в науке и является нормой, не случайно в науке сложилось понятие права на ошибку как способе развития науки и даже обоснованный риск в проведении исследования. Ошибки свойственны человеку в силу познавательных ограничений и самой природе человеческого мышления, тогда как идеологические искажения – программируемый и сознательный продукт фальсификации в науке¹¹. Идеологические искажения изначально опасны для науки и ненаучны по определению. Если ошибки можно исправить, то идеологические искажения могут быть только преодолены. Ошибки в науке могут привести к новым и неожиданным знаниям, идеологические искажения напротив отдаляют нас от знаний.

Кроме того, идеологические искажения следует отличать от различного рода форм научного мошенничества. Научное мошенничество сходно с пагубным влиянием идеологии в том отношении, что связано с преднамеренными действиями исследователей. Ученые полностью осознают, что их научные суждения не являются научными и, напротив, целенаправленно продолжают создавать и использовать ложные данные и знания. Но при этом научное мошенничество обусловлено не идеологическими причинами и борьбой за власть над общественным сознанием, а личными и групповыми интересами ученого сообщества: корысть, жажда популярности и славы, фаворитизм и пр. В отличие от идеологических построений научное мошенничество стремится полностью сохранить все параметры научного исследования: выдвижение гипотезы, подбор фактов и их проверка, проведение при необходимости эксперимента. Для научного мошенничества важно показать внешние атрибуты научного поиска. Искажения лежат в плоскости методологии, тенденциозности в подборе и анализе фактов, демонстрации результатов эксперимента и формировании итоговых научных суждений. Идеология не стремится соответствовать научным принципам, а использует риторику и социально-психологические приемы для завоевания доверия общественного мнения. Выявить научное мошенничество можно путем проверки научного исследования и воспроизведения научных результатов. Расхождение полученных результатов

¹⁰ См.: Насыров Р.В. Человек как самоценность: о формулировке ст. 2 Конституции РФ 1993 г. М., 2011. С. 49.

¹¹ См.: Канеман Д. Думай медленно... решай быстро.

при воспроизведстве свидетельствует о научной недобросовестности исследователя.

Для совершенствования научного знания важно определить и представить типичные идеологические искажения в историографии политических и правовых учений для последующего их развенчания и преодоления в исследовательской практике. Как справедливо отмечает В.С. Горбань, для философии права и истории политических и правовых учений крайне важно воссоздать наиболее полную, беспристрастную и достоверную систему политico-правовых идей и учений, устранив действие идеологических искажений, различного рода ошибок, тенденциозности и поверхностного изложения идей¹².

В первую очередь необходимо видеть более общую проблему для российского правоведения – идеологизированность юридической доктрины. Несмотря на курс на деидеологизацию науки в постсоветский период, российская юриспруденция в значительной степени находится в зависимости от идеологии. На смену марксисткой философии права в России пришел либерализм без учета исторического опыта, российской традиции и своеобразия правосознания¹³. Вместо конкуренции и диалога в науке начала доминировать единственно «верная» идеология либерализма, которая не лишена недостатков. Идеологизированность юридической доктрины выражается в целом наборе мыслительных конструктов: упрощение в понимании действительности; антиисторизм и отрицание национального политico-правового опыта; выдвижение универсальных вневременных конструкций без учета национально-культурного разнообразия и контекста; волонтаризм и социальное экспериментаторство в практической реализации идеологических построений¹⁴.

Частными проявлениями идеологизированности российской правовой доктрины можно считать:

1. Европоцентризм

Европоцентризм в российской правовой доктрине проявляется в принятии за идеал европейских правовых концепций, юридических конструкций и институтов права без осмыслиения собственного политico-правового опыта и своеобразия правосознания. Европоцентризм выражается в целом наборе идейных искажений и постулатов:

¹² См.: Горбань В.С., Груздев В.С. О значении и отдельных аспектах современной историографии и историософии политico-правовой мысли // Труды ИГП РАН. 2023. Т. 18. № 6. С. 18.

¹³ См.: Насыров Р.В. Указ. соч. С. 49.

¹⁴ См.: Жуков В.Н. Философия права. М., 2019.

отказ от собственной правовой традиции и попыток разработки оригинальных юридических концепций;

идеализация европейских правовых теорий и политico-правовых институтов;

активная рецепция европейских начал российской доктрины и законотворческой практикой.

Ученичество российской юриспруденции по отношению к западноевропейской юридической науке продолжается на протяжении последних трех столетий и обусловлено целым рядом предпосылок:

1) исторические факторы, обусловленные европеизацией России на протяжении трех столетий, в том числе в сфере государственного управления и правовой системы:

а) реформы Петра I носили ярко выраженный проевропейский характер и затронули систему публичного управления, роли церкви и соотношения светской и духовной властей, законодательство, систему образования и организацию науки¹⁵;

б) установления советской власти и большевизма есть ничто иное, как реализация марксистско-ленинской концепции (европейской по своему происхождению и сущности);

в) после распада СССР в качестве ведущего ориентира вновь был выбран европейский идеал – капиталистический строй с либеральными концепциями правового государства, разделения властей и т.п.

Культ европейской традиции уже давно был развенчен в российской политico-правовой мысли еще со времен Н.Я. Данилевского, но он до сих пор остается живучим и широко распространенным в российской юриспруденции. Интересно, что до сих пор первенство в обосновании цивилизационной концепции развития общества (теории органических стадий развития культуры, многофакторный анализ и самобытность культур) отдают не российскому мыслителю Н.Я. Данилевскому, а О. Шпенглеру и А. Тойнби. Хотя Н.Я. Данилевский задолго до своих европейских единомышленников выдвинул концепцию культурно-исторических типов.

Следует согласиться с точкой зрения В.С. Горбаня о том, что в российской историографии политico-правовых учений принята за максиму немецкая традиция в изучении и изложении политico-правовых учений¹⁶.

¹⁵ См.: Томсинов В.А. Юридическое образование и юриспруденция в России в XVIII столетии. М., 2010.

¹⁶ В одной из своих статей ученый пишет: «По набору мыслителей и учений в основном наша историография ориентируется на традиционное и уже доведенное почти до автоматизма подражание немецкой традиции. <...> Однако сегодня

Отметим, что европоцентризм в немалой степени вызван экспансией европейской цивилизации в мире, активной торговой и завоевательной политикой европейских держав на протяжении последних пяти столетий. Далеко не всегда европейские традиции реципиравались добровольно без давления западной цивилизации. Напротив, экспансия и колониальная политика европейских государств в сфере культуры, политico-правовых идеалов стояла на таких принципах, как:

превосходство европейской цивилизации в политике, экономике, культуре, науке и технологиях. Для европейцев долгое время идея своего превосходства по отношению к другим народам была определяющей во внешней политике и международных отношениях;

необходимость иного, «нецивилизованного» мира пойти по европейскому пути и активно внедрять достижения европейской культуры путем отказа от собственной аборигенной традиции.

Подробно о сущности, последствиях и причинах европоцентризма в историографии политico-правовой мысли России можно ознакомиться в ряде других статей автора¹⁷.

2. Правовой идеализм

Правовой идеализм свойствен тем цивилизациям, которые стали объектом вестернизации под лозунгами создания правовой государственности верховенства права в жизни общества и находятся в переходном (транзитном) состоянии от одного уклада жизни к другому. В России правовой идеализм укоренился в 1990-е годы на фоне проводимых реформ и был связан с формированием среди политических элит и широких слоев общества ложного представления о всесильности права – возможности с помощью принятия законов разрешить практически любые назревшие социально-экономические и политические проб-

никак нельзя довольствоваться теми формулами, по которым формировалась историография двести лет назад, тем более что они носят внешний, заимствованный характер. При этом зарубежная историография политической и правовой мысли сама развивается дальше. Русская правовая мысль отнюдь не ограничивается какой-то европеизированной традицией. Это своего рода идеологический парадокс. Традиционно история политico-правовой мысли в России показывается сквозь призму соприкосновения с якобы прогрессивной европейской политico-правовой мыслью и образованием. В значительной степени это большой исторический миф» (см.: Горбань В. С. Новая историография политico-правовой мысли как насущная задача юридических наук // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 4 (104). С. 96).

¹⁷ См.: Васильев А. А., Землюков С. В. Компилиативно-подражательный стиль российской юриспруденции в XVIII в. // Правовая мысль в образовании, науке и практике. 2017. № 2 (6). С. 20–25.

лемы¹⁸. Правовой идеализм создал в общественном сознании необоснованные юридические фантазмы и иллюзии. При этом во внимание не принимался ни социально-культурный контекст внедрения идеи господства права, ни правовая ментальность общества. В итоге Россия приобрела тысячи «мертвых», «бездействующих» законов, а социальный порядок обеспечивался с помощью теневых, неформальных и нередко криминальных средств регулирования. К сожалению, правовой идеализм до сих пор не изжил из сознания политических элит, что проявляется в динамике и масштабах нормотворческого процесса.

Как отмечал Н. И. Матузов, «на право нельзя возлагать несбыточные надежды, оно не всесильно. Наивно требовать от него большего, чем оно может дать, ему необходимо отводить то место и ту роль, которые вытекают из его объективных возможностей»¹⁹. Так, принятие Конституции РФ 1993 г., а следом первых частей Гражданского кодекса РФ рассматривалось как достаточное для демократизации России, формирования рыночной экономики и создания социальной справедливости. Но реальность показала всю чудовищность таких надежд, когда государственность оказалась в тяжелом политическом и социально-экономическом кризисе.

Преодоление правового идеализма предполагает следование таким началам, как:

- а) понимание права как одного, но не единственного регулятора общественных отношений, действующего в системе социального регулирования;
- б) принятие пределов и ограничений возможностей права в упорядочении общественной жизни;
- в) восприятие права в социокультурном аспекте, с учетом особенностей правосознания общества;
- г) действие права не ограничивается принятием норм права, а предполагает кропотливую работу по правовому воспитанию, созданию социально-экономических условий для воплощения права в жизнь, организации процесса реализации права и т. п.

3. Миф о правовой неполноценности России и правовом нигилизме массового правосознания

Следствием европоцентризма и правового идеализма выступает еще одно идеологическое исказжение – миф о правовом нигилизме российского общества. Не подвергая сомнению проблему ценности права для российского менталитета, недопустимо безосновательно и вне

¹⁸ См.: Матузов Н. И. Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны «одной медали» // Правоведение. 1994. № 2.

¹⁹ Матузов Н. И. Правовой идеализм как специфическая форма деформации общественного сознания // Вестник СГЮА. 2013. № 4 (93). С. 22.

должной аргументации ставить крест на российском правосознании.

Прежде всего отказ от признания права в качестве основного средства социального регулирования характерен не только для российского правового менталитета, но и для большинства неевропейских культур. Здесь дело не в том, что для большинства культур право не является ценностью, а в том, что право считается служебным инструментом в контексте религиозно-нравственной модели миропонимания. Вряд ли можно найти упрек израильской, китайской, японской цивилизации в том, что они следуют своим традиционным религиозно-этическим началам. Это не помешало данным цивилизациям создать высокотехнологичные и успешные экономические институты. Скорее, наоборот, трудовая этика и солидаризм этих народов дали импульс к форсированному развитию социально-экономических институтов. При этом понимание права как части единого социального регулирования позволяет обеспечить социальный порядок и гармонию в обществе. Скорее можно говорить не о нигилизме, а об отведении права свойственного ему места в системе социально-гого регулирования, не возвышая его над другими ценностями.

Кроме того, в вопросе правового нигилизма масс важно видеть расхождение между образами и установками народного правосознания и содержанием того законодательства, которое навязывается обществу правящими элитами. Очевидно, что некритическая рецепция европейского права, отказ от внимания к народному правосознанию ничего другого и не могли породить, кроме как не-приятие волонтиаристских и чужеродных правовых начал. Индивидуализм и идея частной собственности в 1990-е годы резко вступили в противоречие с господством трудовой этики и социоцентристскими установками россиян. Переход к рынку и отказ от государственного патернализма не соответствовал патриархальным началам массового сознания и ожиданиям социальной заботы государства о человеке.

При этом нельзя отрицать и положительных оценок права в русской культуре и философии, выработанной в советской действительности дисциплины и уважения к закону, достижениям отечественной юриспруденции, которая как разрабатывала религиозно-этические основания права (формы достижения правды), так и существенным образом обогатила мировую юриспруденцию целым набором доктрин и доктринальных конструкций: идея социальных прав личности; концепция общественного права; единство прав и обязанностей; конструкции механизма правового регулирования, правоотношения и правонарушения; разработка цивилизационной теории государства

и права, плюрализма и равных прав различных народностей и их политico-правовых культур и т.д. Именно в советское время вышла монография С.С. Алексеева о социальной ценности права в социалистическом обществе, в котором он показал инструментальную ценность права в условиях господства критического взгляда на право и его грядущего отмирания как классового инструмента²⁰.

Рядом исследователей обосновывается присутствие двух крайностей (идеализма и нигилизма) в правосознании политических элит, тогда как в массовом правосознании российского общества усматривается богатый потенциал для обеспечения порядка и мира, адаптации и прохождении без срыва в хаос различных кризисов, военных конфликтов и политической нестабильности. В.С. Горбань показывает ошибочность приписывания российской литературе мифа о правовом нигилизме. Есть немало работ с положительным отношением к праву, скорее важно понимать оригинальность правовых культур и свойственных им правовых идей и отказаться от ненаучного представления о наличии какого-либо образцового правопорядка²¹. Иное понимание сущности и ценности права в российском менталитете совершенно не означает, как часто полагают, стремления к анархии и беспорядку. Нередко в историографии политico-правовой мысли воспринимаются весьма поверхностно взгляды Л.Н. Толстого и П.А. Кропоткина о праве и власти. Их зачастую причисляют к сторонникам отрицания порядка, в то время как в их творчестве обоснованы иное восприятие права и попытки построения общества на основе нравственных и общественных принципов.

Примечательно, что один из исследователей правового нигилизма П.П. Марченя подвергает его критике, связывая его с иным типом правопонимания в России и экспансией европейской правовой традиции²².

4. Цивилизационный шовинизм и этнонационализм

Одним из самых опасных идеологических искаений выступает политico-правовой шовинизм — обоснование превосходства той или иной

²⁰ См.: Алексеев С.С. Социальная ценность права в советском обществе. М., 1976.

²¹ См.: Горбань В.С., Груздев В.С. Указ. соч. С. 17; Васильев А.А. Миф о низкой правовой культуре в России: проблема самоидентификации правовой системы // Современное право. 2009. № 12. С. 3–10.

²² «В истории реально не существует никаких “правонигилистичных” народов — есть народы, которым пытаются навязать чужую, исторически чуждую им “правовую реальность”. И в таком контексте одной из жизненно востребованных задач современного проективного российства является осмысление мифа о русском правовом нигилизме как инструмента информационной войны» (см.: Марченя П.П. Правовой нигилизм в России: мифы и реалии // Вестник Московского ун-та МВД России. 2016. № 2. С. 30).

политической и правовой культуры в качестве высшей, превосходящей политico-правовые культуры других народов. С одной стороны, такие идеологические построения шовинистического толка постулируют те или иные «высшие» качества политического и правового устройства по отношению к другим культурам. С другой – такой шовинизм может быть экспансивным и быть основанием как для насильственной, так и для идеологической трансформации политico-правовых культур иных народов. К числу таких идеологий необходимо отнести концепции фашистского государства с ложной теорией расового превосходства.

К сожалению, концепция превосходства европейской цивилизации широко использовалась в течение XVI–XX вв. в ходе колониальной политики европейских держав по всему миру, подвергая уничтожению не просто культуру, язык, традиции, обычное право, но и сами покоряемые народы.

Феномен западной цивилизации весьма подробно рассматривается в европейской науке начиная с работ М. Вебера с его идеями тесной связи протестантской этики и предпринимательства. Примечательно, что современные западные учёные, объясняя роль западной цивилизации в мировом развитии, критикуют европейский шовинизм, показывают многообразие иных культур и народностей²³. Тем не менее в западной литературе продолжают искать причины превращения европейской цивилизации в мирового лидера, тем самым подчеркивая некую избранность западного мира и фиксируя его статус-кво²⁴.

Вместе с тем, очевидно, что понимание своей избранности до сих пор проявляется во внешней политике ряда западных государств и в некоторой степени выступает формой консолидации общества и противостояния угрозам извне²⁵.

²³ См.: Даймонд Д. Ружья, микробы и сталь: история человеческих сообществ. М., 2023.

²⁴ К примеру, Д. Хенрик доказывает своеобразие западного мира психологическими особенностями европейцев: индивидуализм, аналитическое мышление, доверие к незнакомцам, сосредоточенность на себе (см.: Хенрик Д. Самые странные люди в мире. Как люди Запада приобрели психологическое своеобразие и чрезвычайно преуспели. М., 2024).

²⁵ Так, И. Курилла указывает в выводах своей книги: «Книга, которую вы прочитали, показывает, что особенности американской внешней политики, о которых с сожалением пишут многие исследователи в монографиях и дипломаты в мемуарах (“стремление к безопасности через экспансию, имперский позыв к расширению “зоны свободы и демократии” в мире, тесно связанный с американским мессианством, самонадеянностью силы и психологией мирового лидерства”), являются не просто “специфическими чертами внешнеполитического поведения США, но и частью постоянного усилия по поддержанию внутреннего единства американской нации” (см.: Курилла И. Американцы и все остальные. Истоки и смысл внешней политики США. М., 2024. С. 307).

5. Монизм в понимании и интерпретации политico-правовых учений либо противоположность – безграничный плюрализм – как две крайности в процессе познания

Монизм выражается в следовании определенной заданной совокупности установок и принципов познания, исключающем внимание к другим подходам и методам исследования и следовательно порождающий ограниченное знание. Так, классово-материалистическая трактовка власти и права недооценивала значение духовно-культурных факторов и не могла объяснить целый ряд феноменов в политico-правовой жизни: возможность решения общесоциальных задач вне устраниния классов; регресс в историческом развитии; неудачи в строительстве социалистических государств; информационная и идеологическая победа европейских ценностей в отношении СССР и пр.

К сожалению, противоположный крен – ставка на плюрализм как следствие моды на философию постмодернизма и отказ от поиска истины фактически ведет к двум крайне негативным для науки следствиям:

научная «растерянность» в связи с многообразием подходов, методов и способов познания, которые нередко друг другу противоречат;

установка на отсутствие истины порождает пассивность инейтрализует какой-либо нормальный научный поиск, поскольку лишает смысла исследовательскую работу.

Безусловно, данная типология идеологических искажений в историографии политических и правовых учений не претендует на завершенность и может быть развита в последующих работах. Но автор стремился привлечь внимание историков права и историков правовой мысли к проблеме идеологического влияния и ее учете в ходе научного поиска. Насущной задачей для юриспруденции могла бы быть разработка методики обнаружения и нейтрализации идеологических искажений.

Полагаем правильным для выявления и нейтрализации идеологических искажений использовать следующую методику.

1. Базовым элементом научного мировоззрения должен выступать скептицизм и критическое мышление, которые предполагают отказ от принятия тех или иных идей на веру без их проверки на научную добросовестность. Так, долгое время за Александром III в историко-правовой науке был закреплен ярлык «ретрограда» и врага либерализма без учета исторического контекста периода его царствования и идейного наследия царя: покушение на императора Александра II, рост угрозы политического терроризма, противоречивость реформ и др. Напротив, в императрице Екатерине II часто

видят либеральную личность, не принимая в расчет методы царствования и отказ от проведения сословной реформы. Исключительно тщательный анализ исторического контекста, изучение первоисточников позволяют реконструировать более-менее точно политico-правовые воззрения соответствующих мыслителей и деятелей.

2. Идеологические искажения скрываются под личиной крайне эффектных и эмоционально на-груженных риторических приемов и средств вы-ражения идей. Идеи пытаются воздействовать не на рациональную сторону сознания, а вызывать положительные реакции иррационального порядка, воздействуя на чувства, фантазию, ценности. Поэтому идеология вряд ли будет прибегать к научным способам аргументации и логике, а скорее будет взывать к чувственно-иррациональным компонентам сознания.

3. Введение обнаруженных идеологических искажений в сферу публичной научной дискуссии через такие средства коллективного научно-го скептицизма, как научные мероприятия, научная печать, государственная научная аттестация. В пространстве научного обсуждения можно добиться развенчания идеологических конструкций и доведения их ложности до широкого круга исследователей.

* * *

Таким образом, для историографии политico-правовой мысли перспективным выглядит разработка научных основ выявления и противодействия идеологическим искажениям. Такая работа важна не только в теоретико-методологическом отношении, но и с практической точки зрения, поскольку позволяет избежать негативных рисков идеологического воздействия на государственное строительство и юридическую практику.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев С.С. Социальная ценность права в советском обществе. М., 1976.
2. Бэкон Ф. Соч.: в 2 т. / пер.; сост., общ. ред. и вступ. ст., с. 5–55, А.Л. Субботина. М., 1971–1972 (Философское наследие).
3. Васильев А.А. Миф о низкой правовой культуре в России: проблема самоидентификации правовой системы // Современное право. 2009. № 12. С. 3–10.
4. Васильев А.А., Землюков С.В. Компилиативно-подра-жательный стиль российской юриспруденции в XVIII в. // Правовая мысль в образовании, науке и практике. 2017. № 2 (6). С. 20–25.
5. Горбань В.С. Новая историография политico-правовой мысли как насущная задача юридических наук // Вест-

ник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 4 (104). С. 96.

6. Горбань В.С., Груздев В.С. О значении и отдельных аспектах современной историографии и историосо-фии политico-правовой мысли // Труды ИГП РАН. 2023. Т. 18. № 6. С. 17, 18.
7. Даймонд Д. Ружья, микробы и сталь: история человеческих сообществ. М., 2023.
8. Жидков О.А. Верховный суд США: право и политика. М., 1985.
9. Жуков В.Н. Философия права. М., 2019.
10. Канеман Д. Думай медленно... решай быстро. М., 2021.
11. Канеман Д., Сибони О., Санстейн Касс Р. Шум. Несовер-шенство человеческих суждений. М., 2021.
12. Кара-Мурза С.М. Идеология и мать ее наука. М., 2022.
13. Курилла И. Американцы и все остальные. Истоки и смысл внешней политики США. М., 2024. С. 307.
14. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 39. С. 83.
15. Марченя П.П. Правовой нигилизм в России: мифы и реалии // Вестник Московского ун-та МВД России. 2016. № 2. С. 30.
16. Матузов Н.И. Правовой идеализм как специфическая форма деформации общественного сознания // Вест-ник СГЮА. 2013. № 4 (93). С. 22.
17. Матузов Н.И. Правовой нигилизм и правовой идеа-лизм как две стороны «одной медали» // Правоведе-ние. 1994. № 2.
18. Насыров Р.В. Человек как самоценность: о формули-ровке ст. 2 Конституции РФ 1993 г. М., 2011. С. 49.
19. Поппер К. Логика социальных наук // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поп-пер и его критики. М., 2006. С. 306, 307.
20. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2: Вре-мя лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М., 1992. С. 251.
21. Ричи С. Наукообразная чушь. Разоблачения мошен-ничества, предвзятости, недобросовестности и хайпа в науке. М., 2024. С. 20.
22. Томсинов В.А. Юридическое образование и юриспру-денция в России в XVIII столетии. М., 2010.
23. Туманов В.А. Буржуазная правовая идеология. М., 1971.
24. Хенрик Д. Самые странные люди в мире. Как люди За-пада приобрели психологическое своеобразие и чрез-вычайно преуспели. М., 2024.
25. Элементы идеологии. Ч. 1. Идеология в собственном смысле слова. Гл. 11. Размышления о предшествующем и о способе Кондильяка анализировать мысль / А. Де-стют де Траси; пер. с франц. А.С. Ивановой // Вопро-сы философии. 2013. № 8. С. 149–154.

REFERENCES

1. Alekseev S. S. The social value of law in Soviet society. M., 1976 (in Russ.).

2. *Bacon F.* Essays: in 2 vols. / transl.; comp., general ed. and introductory articles, pp. 5–55, A.L. Subbotin. M., 1971–1972 (Philosophical heritage) (in Russ.).
3. *Vasiliev A.A.* The myth of low legal culture in Russia: the problem of self-identification of the legal system // Modern law. 2009. No. 12. Pp. 3–10 (in Russ.).
4. *Vasiliev A.A., Zemlyukov S.V.* The compilative and imitative style of Russian jurisprudence in the XVIII century // Legal thought in education, science and practice. 2017. No. 2 (6). Pp. 20–25 (in Russ.).
5. *Gorban V.S.* New historiography of political and legal thought as an urgent task of legal sciences // Herald of Kutafin University (MSLA). 2023. No. 4 (104). P. 96 (in Russ.).
6. *Gorban V.S., Gruzdev V.S.* On the significance and certain aspects of modern historiography and historiosophy of political and legal thought // Proceedings of the IGP RAS. 2023. Vol. 18. No. 6. Pp. 17, 18 (in Russ.).
7. *Diamond D.* Guns, microbes and steel: the history of human communities. M., 2023 (in Russ.).
8. *Zhidkov O.A.* The Supreme Court of the USA: law and politics. M., 1985 (in Russ.).
9. *Zhukov V.N.* Philosophy of Law. M., 2019 (in Russ.).
10. *Kahneman D.* Think slowly... decide quickly. M., 2021 (in Russ.).
11. *Kahneman D., Siboni O., Sunstein Kass R.* Noise. The imperfection of human judgments. M., 2021 (in Russ.).
12. *Kara-Murza S.M.* Ideology and its mother science. M., 2022 (in Russ.).
13. *Kurilla I.* Americans and all the rest. The origins and meaning of US foreign policy. M., 2024. P. 307 (in Russ.).
14. *Marx K., Engels F.* Essays. Vol. 39. P. 83 (in Russ.).
15. *Marchenya P.P.* Legal nihilism in Russia: myths and realities // Herald of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. No. 2. P. 30 (in Russ.).
16. *Matuzov N.I.* Legal idealism as a specific form of deformation of public consciousness // Herald of the SSLA. 2013. No. 4 (93). P. 22 (in Russ.).
17. *Matuzov N.I.* Legal nihilism and legal idealism as two sides of the “same coin” // Pravovedenie. 1994. No. 2 (in Russ.).
18. *Nasyrov R.V.* Man as self-worth: on the formulation of Article 2 of the Constitution of the Russian Federation 1993. M., 2011. P. 49 (in Russ.).
19. *Popper K.* Logic of social sciences // Evolutionary epistemology and the logic of the social Sciences: Karl Popper and his critics. M., 2006. Pp. 306, 307 (in Russ.).
20. *Popper K.* Open Society and its enemies. Vol. 2: The Time of false Prophets: Hegel, Marx and other oracles. M., 1992. P. 251 (in Russ.).
21. *Richie S.* Scientific nonsense. Revelations of fraud, bias, dishonesty and hype in science. M., 2024. P. 20 (in Russ.).
22. *Tomsinov V.A.* Legal education and jurisprudence in Russia in the XVIII century. M., 2010 (in Russ.).
23. *Tumanov V.A.* Bourgeois legal ideology. M., 1971 (in Russ.).
24. *Khenrik D.* The strangest people in the world. How Westerners acquired a psychological identity and became extremely successful. M., 2024 (in Russ.).
25. Elements of ideology. Part 1. Ideology in the proper sense of the word. Chapter 11. Reflections on the preceding and on Condillac’s way of analyzing thought / A. Destut de Tracy; transl. with French A.S. Ivanova // Questions of philosophy. 2013. No. 8. Pp. 149–154 (in Russ.).

Сведения об авторе

ВАСИЛЬЕВ Антон Александрович –
доктор юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник сектора философии
права, истории и теории государства и права
Института государства и права
Российской академии наук; 119019 г. Москва,
ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

VASILIEV Anton A. –
Doctor of Law, Associate Professor,
Leading Researcher of the Sector of Philosophy
of Law, History and Theory of State and Law,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia